

НАТАЛЬЯ ИВАШИНА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ПОНЯТИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Когнитивная лингвистика сегодня практически разрушает оппозицию синхрония – диахрония. Исследования в синхронии и в диахронии пересекаются и взаимно дополняются (Sweetser, 1990). Появился даже термин «панхрония» (см. Rajdzińska – Krzyżanowski, 1999). Диахроническая проекция позволяет выделить основные концептуальные модели и вместе с тем показать устойчивые связи между разными концептуальными областями. В то же время можно видеть систематическое взаимодействие между данными областями и в синхронии.

Известно, что значения многозначного слова в одном языке или близкородственных языках часто повторяют механизм диахронических семантических изменений. Переносы значений не являются изолированными, они указывают на регулярные связи между концептуальными областями. Этимологическую память хранит не только полисемия, но и деривационные связи лексемы, а также синтагматическое окружение слова.

Проиллюстрируем эти положения на примере категоризации временных представлений в славянских языках. Можно привести многочисленные примеры дистрибуции темпоральной лексики в синхронии, повторяющие диахронические изменения лексем. Мотивировка темпоральных лексем, с одной стороны, реконструируется на основании этимологического и историко-лексикологического анализа, с другой стороны, актуализируется в современных текстах в синтагматическом окружении слов с временным значением.

Семантическая структура темпоральных наименований устанавливается на основании совокупности значений той или иной лексемы во всем славянском ареале. Основанием для вычленения значения служит его фиксация хотя бы в одном из славянских языков или диалектов. Таким образом моделируются семантические микрополя лексем со значением времени, включающие все значения в синхронии и диахронии, что дает возможность реконструировать древнейшие связи и показать механизм семантических трансформаций.

1. Как мы говорим о времени.

Приведем некоторые паттерны дистрибуции временных лексем в современных славянских языках.

О времени мы говорим как о пути, который имеет свое *начало*, *середины* и *конец*. Время *приближается*, *отдаляется*. При этом подчеркивается место, где мы находимся и откуда смотрим на мир. Прилагательные *далекий* – *близкий* соотносятся как с пространством, так и со временем.

Время можно *измерить*. Как известно, время и пространство обладают общим свойством – протяженностью, отсюда возможность их измерения. Время и пространство имеют свои единицы измерения, ср. чеш. *časová míra*. Время можно *сократить* и *продлить*. Прилагательные *короткий/краткий* – *длинный/долгий* относятся как к пространству, так и ко времени.

Время имеет свои *границы*. Время можно *ограничить*, ср. *неограниченное время*. Существуют обозначения *отрезок времени (резать)*, *промежуток времени (межа)*, словац. *medzičas*, чеш. *časový úsek (useknout)*, бел. *за сячы час* и др.

О времени мы говорим как о цикле, что связано с чередованием дня и ночи, времен года и т.п.: *день и ночь*, *с утра до вечера*, *колесо времени*, *круг времен*, чеш. *ve dne v noci*, *rok co rok* и т.д.

Мы говорим, что *время идет*, *бежит*, *летит*, *течет*, *мчится*, *бег времени* и т.д. Это основная метафора, связанная со временем. С другой стороны, *время можно остановить*.

Время может быть *подходящее*, *соответствующее*, *благоприятное*, отсюда, вероятно, и представление о времени как о ценности: его можно *тратить*, *экономить*, *выигрывать* и т.п.

Время связывается с ростом, ср. русск. *возраст (расти)*, «*у меня растут года...*».

Из анализа примеров очевидно, что время воспринимается главным образом в пространственных категориях. Хорошо известно, что пространственные ориентиры стали опорными для концептуализации понятия времени. Существует значительное количество предлогов, которые выражают как пространственные, так и временные отношения. Существительные *начало* и *конец*, *отрезок*, *измерять* и многие другие соотносятся как с пространством, так и со временем. Основные пространственные координаты (длина, ширина, высота) связываются и с темпоральными понятиями. Дихотомии *высокий* – *низкий*, *длинный* – *короткий*, *широкий* – *узкий* отражают главные свойства пространства. Еще одна важная характеристика пространства – противопоставление *далекий* – *близкий*, указывающее на положение предмета по отношению к субъекту, также соотносится со временем. На вертикальной ориентации заложены словосочетания *глубокая старость*, *глубокая древность*, болг. *дълбока старост*, *дълбока древност*, чеш. *hluboká nos*, *vysoký věk*, *nejvyšší čas*, *být/stát na výši doby*, др.-русск. *нижнимъ вѣ-менемъ*, ст.-слав. *глѣбокѣж старостнѣж* и т.п. Все это выражения подра-

зумевают вертикальную ось времени, где временные ориентиры уподобляются пространственным.

2. Исторический экскурс.

Особенности древнерусского понимания времени Д.С.Лихачев представлял следующим образом: прошлое – переднее время, то, что находится впереди, в начале событий, настоящее и будущее – заднее время, находящееся позади (Лихачев, 1971, с. 286). По мнению М.Ф.Мурьянова, сформулированная Д.С.Лихачевым однозначная ориентация является скорее специфической особенностью древнееврейского языка, где *qādām* ‘то, что впереди’ и ‘прошлое’, *’ahārit* ‘задняя сторона’ и ‘будущее’, ср. также лат. *superior* ‘предыдущий’, букв. ‘верхний’, *inferior* ‘позднейший’, букв. ‘нижний’ (Мурьянов, 1978, с. 53–54).

Пространственная метафоричность обозначений времени достаточно хорошо известна. Многие темпоральные понятия сформировались в результате переноса пространственных отношений во временную сферу. Неразрывную связь чувства пространства с чувством времени, синкретизм пространственных и временных представлений отмечали многие исследователи (Гюйо, 1899; Леви-Брюль, 1930; Cassirer, 1925; Nilsson, 1920 и др.). Во многих языках неразрывность пространства и времени проявляется на уровне языковых обозначений. Славянский языковой ареал в этом отношении не представляет исключения. Здесь также древнейший способ измерения и символизации времени связан с использованием пространственных величин.

Связь пространственных и временных представлений может реализовываться в языке различными способами. Наиболее очевидный и в тоже время наиболее древний этап – кодирование пространственных и временных понятий одной и той же лексической единицей. Он свидетельствует о недифференцированности самих понятий, о невозможности их разделения. Частным вариантом этой древнейшей модели можно считать обозначение пространственных и темпоральных величин с помощью родственных слов.

Пространственное противопоставление сторон света соотносится с временным противопоставлением частей суток и времен года. Такого рода параллелизм связан с симметричностью этих лексико-семантических единиц, их изоморфной позицией в системе пространственно-временных обозначений. Во многих индоевропейских языках названия частей суток и сторон света изоморфны, ср. лат. *occāsus* ‘вечер’ и ‘запад’, лтш. *dienvīdus* ‘полдень’, *dienvīdi* ‘юг’, словен. *jutro*, н.-луж. *jutšo* ‘утро’ и ‘восток’, причем возможны не только внутри-, но и межъязыковые соответствия. В некоторых индоевропейских языках обозначения утра и востока восходят к одному источнику – и.-е. **aues-* (Nieminen, 1956, с. 19). Предполагается также родство греческих и италокельтских названий вечера с германскими обозначениями запада (Fraenkel, 1958, с. 346). Таким образом, противопоставление частей

суток соотносится с противопоставлением сторон света. Названия полдня и полночи у славян отличаются полным единообразием. Сам принцип их обозначения как середины дня или ночи является общим для индоевропейцев. Лексемы **roľdъnъ* и **roľnokъ* также с древнейших времен известны в значениях 'юг' и 'север'. Эти значения представлены во всех славянских языках (вопрос лишь в том, отмечены они в литературных языках или диалектах и в какую эпоху).

Стороны света соотносятся также с временами года, ср. в русских говорах *лето* 'юг, южный ветер', *зима* 'север', *утро* 'восток', *вечер* 'запад' (Даль).

Идея единства пространства и времени связана с образом круга. Семантика круга и циклического движения лежит в основе многих пространственных и темпоральных номинаций.

Для славянской древности характерна прежде всего циклическая временная картина мира. Древний человек наблюдал строго периодические явления: круговое движение солнца, циклические изменения лунного диска, смену дня и ночи, чередование сезонов, начало и конец видимости определенных звезд и созвездий. Ритмы существования всего живого в природе связывались с ритмами жизни неба с его звездами и светилами.

Система временных обозначений сложилась на основе конкретных наблюдений над природными явлениями, на основе опыта повседневной жизни. Для конкретно-образного мышления более доступной была не вереница последовательных изменений, а регулярность повторения одних и тех же явлений. Времяисчисление возникает из цикличности процессов, из ритмов самой природы. Смена дня и ночи, чередование сезонов – наиболее очевидные периодические изменения времени.

*Dьnъ и **lěto* – главные реальные временные ориентиры, основанные на природных циклах. В их семантическом развитии очевидна аналогия: циклическая последовательность как основа для переноса названия ('день' > 'сутки', 'лето' > 'год'), полифункциональность, стадия сосуществования значений, одно из которых формируется на базе другого, и, наконец, тенденция к дифференциации значений. Однако семантическая трансформация 'лето' > 'год' проходила значительно быстрее.

Большая часть славянских языков ввела новое слово для обозначения понятия 'год': бел., русск. *год*, болг., мак., серб. *година*, хорв. *godina*, укр. *рік*, чеш., слов., польск. *rok*, в то время как **lěto* сохраняет значение 'время года'. В словенском и серболужицких языках **lěto* имеет значение 'год', а понятие 'время года' выражается лексемой, образованной от **lěto*: в.-луж. *lěčo*, н.-луж. *lěše*, словен. *poletje*. В полабском *lotú* имело значение 'время года' и 'год'.

Тенденция к дифференциации значений лексемы **dьnъ* не реализовалась в полной мере, поскольку некоторые славянские языки так и не выделили слово для выражения идеи суток.

В славянских языках представлены три направления семантического развития выражения понятия суток:

1. (D, N) → D (серб., хорв., словен., чеш., слов., в.-луж., н.-луж., полаб.),
2. (D, N) → D + N (болг. *денонощие*, мак. *денонокие*),
3. (D, N) → C (рус. *сутки*, бел. *суткі*, укр. *доба*, польск. *doba*).

Первый путь семантического развития является универсальным, он сохраняется и там, где существует специальная лексема для обозначения понятия суток. С когнитивной точки зрения здесь концепт-источник и концепт-цель связаны метонимически, концептуальная смежность реализована через семантическую деривацию.

Вторая и третья группы, строго говоря, отражают одну и ту же тенденцию семантического развития, точнее, два этапа этого развития. Во втором типе обозначений понятие передается описательно, через перечисление составляющих его элементов, что обнаруживает конкретную форму мышления, ср. др.-русск. и **сѣѣкошася два дни и двѣ нощи** (Срезневский I, с. 769).

Завершающим этапом было слияние составляющих элементов в одну лексическую единицу: др.-русск. *нощедьнь*, *нощедьньство*, *дьнонощие*, болг. *денонощие*, мак. *денонокие*. Такой тип обозначений знают многие языки, ср. латыш. *diennakts*, эст. *õõpäev*, тадж. *šabonaruz* и т.п. Здесь представлена смежность концепта-источника и концепта-цели, причем как смежность концептуальная, так и синтагматическая. Третья группа наименований означает выделение слова для обозначения понятия 'сутки'. Это русск. *сутки*, бел. *суткі*, укр. *доба*, польск. *doba*.

Следует подробнее остановиться на истории вост.-слав. *сутки*, поскольку это слово хорошо иллюстрирует процесс формирования временного значения на основе пространственного. *Сутки* в значении 'промежуток времени, равный 24 часам' известно русскому и белорусскому языкам (у Носовича в форме *судки*); в украинском оно отмечено у Гринченко. Трудно с точностью определить время появления этого названия у восточных славян. Впервые оно попало в Российский целлариус 1771 года. Однако у А. С. Пушкина, язык которого формировался в 10-е годы XIX века, это уже употребительное слово: в пушкинском словаре оно встречается 29 раз (Словарь Пушкина). Очевидно, что полвека мало для того, чтобы слово получило статус общеупотребительного в языке. По-видимому, *сутки* во временном значении появилось у восточных славян не позднее XVII века.

В древнерусском языке XVI века *сутокъ*, *сутъкъ* имело значение 'слияние; место, где сходятся границы' (Срезневский III). В русских, украинских и белорусских говорах сохранились пространственные значения слова *сутки* и его вариантов: 'угол', 'передний угол', 'узкий проход', 'устье реки', 'место слияния двух рек' и т. п. (подробно о значениях вост.-слав. *сутки* см. Цейтлин, 1959, с. 233–235). Лишь в нижегородских говорах *сутки* имеет временное значение 'сумерки'. С той же семемой 'сумерки' В. Даль приводит слова *сутемѣнки*, *сутѣмки*, *сѹтемъ*, *сѹтемень*, *сѹтиски*, *сѹтычки*. Сюда же примыкают блр. обл. *сутонне*, *сутонак* 'сумерки', *сутонецъ*, *сутуныца*, *сутэняці* 'смеркаться' (Сцяшковіч; 3 народнага слоўніка, 1975, с. 256). Значение 'сумерки' особенно важно, так как дает возможность реконструиро-

вать переход от пространственных значений к темпоральному ‘сутки’. Звеном, через которое совершился этот переход, была сема ‘стык дня и ночи’. Схему развития значений вост.-слав. *сутки* можно представить следующим образом: ‘нечто соприкасающееся, стыкающееся (о предметах в пространстве)’ → ‘стык дня и ночи (во времени)’ → ‘объединение дня и ночи вместе’ (концептуальная смежность). В отношении словообразования очевидна аналогия с лексемой *сумерки*: *су-тък-и* / *су-мерк-и* – существительные *pluralia tantum*, образованные с помощью приставки *sQ-*; на последних этапах развития, непосредственно связанных с темпоральной семантикой, имела место только семантическая деривация.

Лексема **tь(ž)dьнь* состоит из двух элементов: указательного местоимения **tь*, которое может быть усилено *-ž(e)/-žde*, и слова **dьнь*. Название это восходит к сочетанию ‘тот же день, возвращающийся день’ и как нельзя лучше подчеркивает значение циклических изменений для формирования понятия ‘неделя’. Также русск. *неделя* представляет собой перенос названия с нерабочего дня на всю неделю, т.е. подчеркивается его возвращение, повторение. Лишь полаб. *nidelǎ* сохранила два значения – ‘воскресенье’ и ‘неделя’.

Идею циклического движения отражает история слав. **vermę*. Лексема **vermę* распространена на юге и востоке славянской территории, западнославянским языкам она неизвестна. Исключение – ст.-польск. *wrzemie*, зафиксированное в ранних памятниках. Впрочем, примеры употребления этой лексемы единичны, значение ее было неясно уже переписчикам следующих столетий.

Семантический диапазон слав. **vermę* достаточно широк. Во всем славянском ареале лексема образует семантическое поле ‘время’ – ‘промежуток времени’ – ‘время года’ – ‘срок’ – ‘исторический период, эпоха’ – ‘год’ – ‘момент’ – ‘возраст’ – ‘удобное время’ – ‘свободное время’ – ‘счастье’ – ‘обстоятельства’ – ‘хорошая погода’ – ‘погода’ – ‘плохая погода’ – ‘гром’ – ‘буря, водоворот’ – ‘кутерьма, суматоха’ (по данным древнейших письменных памятников и современных славянских языков). Все значения группируются вокруг трех семантических центров: ‘время’, ‘удобное время’ и ‘погода’.

Существует точка зрения, что семантическая трансформация слав. **vermę* проходила в направлении ‘время’ → ‘погода’ (Кочерган, 1966, с. 58). Однако для древнего мышления понятия времени и погоды не были расчленены. Время еще не отделялось от природного явления, которое протекает во времени. Во многих языках мира эти понятия передаются одной лексемой. Это связано с диффузностью, взаимопроницаемостью понятий времени и погоды. Время для древнего славянина – это и состояние, и период. Кодирование погодных и временных понятий одним и тем же элементом – знак древней ступени сознания.

Чрезвычайно любопытный параллелизм демонстрирует история лат. *tempus*. Семантическое развитие лат. *tempus* и его производных повторяет трансформацию слав. *vermę* во многих семантических звеньях: ‘время’, ‘период времени’, ‘время года’, ‘срок’, ‘эпоха’, ‘момент’, ‘подходящее

время', 'обстоятельства', 'погода', 'непогода, буря' (Benveniste, 1940, с. 11–16).

В древнейших славянских текстах отсутствуют примеры со значением 'погода'. Однако эти лакуны можно объяснить тем, что в древнеславянской письменности доминирующее влияние имел церковнославянизм **врѣмѣ** в темпоральном значении. Вероятно, временная сема сформировалась первоначально в ареале болгарско-македонских диалектов, а отсюда через церковную письменность была заимствована восточными славянами. А. С. Львов считает, что собственно др.-русск. *веремя* так и не получило темпорального значения (Львов, 1968, с. 24).

Украинский язык сохранил древнейшую единицу значения – 'буря, водоворот'. Перенос названия с природного явления на человеческие отношения ('кутерьма, суматоха') относится к более позднему времени. В староукраинском основным было значение 'буря, ненастье'.

Семема 'буря, водоворот' как нельзя лучше подчеркивает связь с глаголом **vǫrtěti*, так как идея вращения, оборота в этом значении наиболее очевидна. Лексема **vermę* первоначально означала природное явление или состояние, где явно вычленяется момент вращения. В основе образа времени лежит циклическое движение, наиболее полно отражающее все природные ритмы и циклы. Этот сложный образ, связанный с вращательным движением, не противоречит общепринятому сопоставлению с др.-инд. *vártma* 'колея, рытвина, дорога, желоб, след от вращающегося колеса' (Фасмер I; Преображенский 1).

Номинация временных понятий по принципу отграничения (отрезания, отделения) отражена в истории слав. **časъ*. Семантическое поле лексемы включает значения 'время' – 'промежуток времени' – 'время года' – 'срок' – 'эпоха' – 'час' – 'церковная служба' – 'лекция, урок' – 'минута' – 'мгновение, момент' – 'удобное, подходящее время' – 'свободное время' – 'счастье, удача' – 'погода'. В древнеславянской письменности доминирующим было значение предельно короткого отрезка времени. Чаще всего это значение встречается в выражениях *въ тѣ часѣ*, *въ сѣ часѣ*, отсюда в современном русском языке наречия *тотчас*, *сейчас* в значении 'сразу', 'очень скоро', 'немедленно', ср. также ст.-чеш. *časek* 'момент', *do čas* 'вскоре', словен. *časek* 'момент', болг. *на (в) часа* 'тотчас', 'моментально' и т.п.

Слово это, пожалуй, одно из самых дискуссионных во всей микросистеме обозначений времени. Существует несколько этимологических решений. Г. Якобссон возводит **časъ* к и.-е. корню **kes-/*kos-* со значением 'резать', широко представленному в и.-е. языках. С помощью той же семантической модели Г. Якобссон объясняет др.-прусск. *kisman*, алб. *kohë* (из и.-е. **kes-/*kos*), лат. *tempus* (из и.-е. **temp-/*tomp-* 'резать, рубить'), греч. *καίρός* (из и.-е. **(s)ker-* 'резать'), герм. **tī-b(ð)-*, **tīman-* и арм. *tī* (из и.-е. **dī-* 'делить, разрезать') (Якобссон, 1958, с. 292–307; 1969, с. 32–35).

В ЭССЯ (1977, 4) **časъ* возводится к глаголу **česati* с широким спектром значений: 'рвать, царапать', 'резать', 'делать резкие движения', что

подтверждает сближение с чеш. *česati* ‘торопиться, бежать’ (Machek), серб.-хорв. *kasati* ‘бежать, ехать рысью’.

Й. Покорный связывает *časъ* с и.-е. **kwē(i)-* ‘обращать внимание на что-нибудь’ (Рокогну). В этом случае исходным значением слав. **časъ* из **kwē(i)-* было ‘точечное восприятие, предел, граница’, что хорошо согласуется с ранним значением лексемы – ‘короткое ограниченное время’, ср. в старославянском тексте Евангелия: **въ чѣсѣ врѣменьнѣ**, букв. ‘в мгновение времени’ (Г. Якобссон интерпретирует как ‘в нарезке времени’, 1958, с. 299). Пример этот обнаруживает древнейшее пространственное значение лексемы, перенесенное во временную сферу. Речь идет о пределе, границе как категории пространства. Фиксация предела по отношению ко времени дает возможность перейти к отражению этой предельной границы на временной оси, т.е. к обозначению временной точки, момента. Идею короткого отрезка времени, момента подтверждают и многочисленные производные с корнем *čas-*, ср. прилагательное **časnъjъ*, известное в большинстве славянских языков в значениях ‘моментальный’, ‘временный, преходящий’.

Отрезание, отделение имело также магический характер. Отсюда тождественность мотивировки не только пространственных и временных, но и сакральных понятий. Именно с представлением об отделении, отрезании связано формирование понятий ‘счастье’, ‘судьба’, ср. русск. *счастье* (от *часть*), *доля* (объединяет оба значения – ‘участь’ и ‘часть’), *участь* (от *часть*), *жеребий* (*жеребей* ‘кусок’, ср. в.-нем. *kerben* ‘делать зарубки, нарезать’). Значения ‘отделять’, ‘отрезать’ связывались с предопределенной долей, которая изначально понималась вполне конкретно как отрезаемый надел, что соотносится с «архаичной процедурой отмеривания, истоки которой лежат в хозяйственной практике; дальнейший путь связан с ритуализацией этой процедуры и использованием ее в гаданиях, судебной практике и т.д.» (Иванов – Топоров, 1965, с. 69).

Во все эпохи и во всех славянских языках лексема **godъ* и производные от нее образования известны в значениях, основной семантический признак которых – ‘соответствующий, подходящий’. Лексемы с корнем *god-* образуют широкий семантический спектр переходов значений, в каждом из которых так или иначе присутствует исходный признак соответствия.

Микрополе лексемы **godъ* включает значения ‘промежуток времени’ – ‘срок’ – ‘год’ – ‘возраст’ – ‘годовщина’ – ‘пир’ – ‘удобное, подходящее время’ – ‘удобный случай, обстоятельство’ – ‘счастье’ – ‘мера’ – ‘соответствие’ – ‘бросок, метание’ – ‘-либо, -нибудь’ и делится на два отрезка: темпоральные значения и семемы, которые вращаются вокруг семантического центра ‘подходящий, соответствующий’. В древнеславянской письменности широко представлена семема ‘удобное, подходящее время’. Выражения *не въ годъ*, *безъ года* означали ‘в неудобное время, некстати’. Семантический признак ‘подходящий, соответствующий’ лежит в основе значений ‘самый раз, впору, кстати’, отмеченных в старочешских текстах. Значение ‘подходящий, пригодный’ очень широко представлено в производных во всем сла-

вянском ареале. Значение пользы, пригодности становится исходным для формирования оценочных семем. В древних славянских текстах отмечено значение ‘угодный, приятный’: ст.-слав., др.-русс. *годнь, годъ* ‘угодно, приятно’. Следующее звено трансформации – лексем с положительной оценкой типа польск. *godny, godność*, чеш. *hodný, hodnota* (ср. также семантический сдвиг *hodnost* ‘звание, чин’), русск. *годиться, годный, гожество* (Даль I). К этому отрезку поля примыкает и значение ‘желательный’, зафиксированное в южнославянских языках, ср. болг. *годка ми е, имам годка* ‘у меня есть желание’, вероятно, первоначально ‘мне удобно, легко дается’. Переосмысление признака ‘подходящий, пригодный’ на эстетической основе ведет к значению ‘красивый’: бел. *прыгожы*, русск. *пригожий, гожий*, болг. *сгоден*, чеш. *hezký*. В значении ‘бросок, метание’ семантический признак ‘подходящий’ присутствует лишь в скрытом виде. По-видимому, путь семантических изменений здесь такой: от *годиться*, т.е. ‘совершить что-то полезное, пригодное, подходящее’ к *угодить*, т.е. ‘сделать приятное’ и тем самым ‘попасть в цель’, а затем ‘метить во что-либо’, ср. русск. диал. *годить* ‘угодить’ и ‘метить, целиться’, *угодить* ‘попасть’ (Даль I), чеш., словац. *hod* ‘бросок’, *hodit* ‘бросить’, польск. *godzić* ‘метить, целиться’. В южнославянской языковой области лексема *godě* перешла в разряд служебных слов. Неопределенная частица ‘-либо, -нибудь’ – результат десемантизации признака ‘подходящий, соответствующий’.

*Godъ восходит к и.-е. **ghedh-/*ghodh-* в значении ‘объединять’, ‘быть тесно связанным’, ‘подходить друг другу’ (Pokorny), ср. параллели в германских языках: др.-в.-нем. *gigat* ‘подходящий’, ср.-в.-нем. *(ge)gate* ‘товарищ, супруг’, нов.-в.-нем. *gätlich* ‘подходящий’, гот. *gadilings*, др.-в.-нем. *gatuling* ‘свояк, родственник’, ср.-н.-нем. *gaden* ‘подходить, нравиться’ (Фасмер I). По мнению авторов ЭССЯ (1979, 6), **godъ* производно от глагола **goditi* или соотносительно с ним.

Производная от **godъ* лексема **godina* образует семантическое поле ‘время года’ – ‘год’ – ‘возраст’ – ‘годовщина’ – ‘час’ – ‘церковная служба’ – ‘лекция, урок’ – ‘момент’ – ‘удобное время’ – ‘судьба’ – ‘хорошая погода’ – ‘погода’ – ‘плохая погода’ – ‘дождь’. В современных славянских языках соотношение лексем **godъ* и **godina* подчинено определенной закономерности: в каждом языке только одна из лексем может иметь собственно темпоральное значение. Исключение – белорусский язык, где рефлексy обеих лексем – термины времени. В западнославянском ареале **godina* получила значение ‘час’, в то время как **godъ* в собственно темпоральном значении не употребляется. Аналогичная картина в южнославянской языковой области: разница лишь в том, что **godina* известна в значении ‘год’. В украинском языке употребление лексем *год* ограничено, ее значение перешло к лексеме *рік*. Русск. *година* сохраняет минимальные связи временного характера: основную семантическую нагрузку несет оценочный оттенок значения. Такая дистрибуция лексем **godъ* и **godina* в современном славянском континенте связана с терминологичностью обозначений времени. Употребление

однокоренных лексем в одной парадигме терминов противоречит основному свойству терминологической лексики – инвариантности как в плане выражения, так и в плане содержания. Естественно, что в древнюю эпоху, когда темпоральные понятия не были достаточно определены, подобный закон действовать не мог.

Семантическое развитие слав. **doba* во многом сходна с историей лексемы **godъ*. Во всех современных и древних славянских языках присутствуют дериваты корня *dob-*, позволяющие восстановить для слав. **doba* широкую сеть значений: ‘польза’ – ‘способ, образ’ – ‘подходить, соответствовать’ – ‘подобие лица или нрава’ – ‘мера, степень’ – ‘подходящее время’ – ‘удобный случай, обстоятельство, положение’ – ‘период времени’ – ‘время года’ – ‘срок’ – ‘эпоха’ – ‘возраст’ – ‘сутки’ – ‘час’ – ‘погода’.

Древнейшие примеры употребления лексемы **doba* в темпоральном значении зафиксированы в старочешских памятниках. Чаще всего лексема получала временное значение в выражениях *v tu dobu*, *v jednu dobu*, *v takú dobu*, *v kú dobu* и т.п. (Gebauer I).

Семема ‘период времени’ широко представлена в современных славянских языках, при этом объем значения в разных языках не совпадает, часто семантика лексемы ограничена дополнительными дифференциальными признаками.

Интересно, что значение ‘возраст’ лексемы **doba* связано с понятием подобия, сходства. В западнорусских говорах ‘возраст’ – это прежде всего ‘сходство по возрасту, по годам’ (Балясникова, 1975, с. 164). Возраст определяется через сопоставление, сходство, ср. многочисленные примеры: *он будет в твою добу* (Даль I), *два молодці так ваші добу* (Гринченко I), *он je toje dobi* (Pleteršnik I).

В древних памятниках встречаются значения ‘способ, образ’ и ‘польза’, ‘подобие’ (в производных лексемах с корнем *-dob-*). Сопоставление с другими индоевропейскими языками позволяет вычленил древнейшие семантические связи лексемы. В качестве параллелей к слав. **doba* приводят лит. *dabà* ‘природа, свойство, характер’, лтш. *daba* ‘вид, способ, характер’, *dabât* ‘быть угодным, благоволить’, гот. *gadaban* ‘подобать, подходить’, *gadôfs* ‘приличествующий, подходящий’ (Фасмер I). Праслав. **doba* < и.-е. **dhabh-* ‘соединять надлежащим образом, подходить’ (Рокорну). Таким образом, древнейшие значения лексемы группируются вокруг семантического центра ‘подходить, соответствовать’. Этот семантический признак в том или ином виде присутствует в большинстве предложенных этимологий: ‘сделать подобным, подходить’ (Verneker), ‘время, которое соответствует’ (Brückner) и др. По мнению Э. А. Якубинской-Лемберг, этой семеме предшествовал более древний конкретно-производственный термин. Она предлагает следующую схему развития значений и.-е. **doba*: от исходного ‘придавать вид, форму’, ‘посуда’, ‘вещь’, ‘орудие, инструмент’ к значению ‘сделать что-либо подобное, сходное, уподобить’; отсюда ‘время, нужное на выделку вещи’, ‘отрезок времени’ и, наконец, отвлеченное понятие време-

ни. Значение ‘польза, выгода, благо’ складывается из умения производить разнообразные предметы. На основе всех приведенных выше значений развиваются оценочные понятия в двух направлениях (положительные и отрицательные) (Якубинская-Лемберг, 1961, с.256). Лексема **doba* безусловно связана с целой семьей родственных слов как **dobrь*, **doblь*, **debelь* и др. Совершенно очевидно, что исходная мотивировка, как и у лексемы **godь*, соотносится с идеей объединения, соединения (т.е. пространственной величиной), а отсюда формируется и значение ‘подходить, соответствовать’.

Таким образом, в основе мотивировок пространственных и временных понятий может использоваться как идея отделения, так и соединения. Повидимому, для древнего сознания существовала неразрывная связь между отделением и соединением, и оппозицию ‘отделять’ – ‘соединять’ можно считать различной реализацией исходного мотива движения, изменения.

Лексема **věkь* является одним из ключевых временных концептов. Ее семантический объем очень широк: это жизнь и вечность, смерть и бессмертие, прерывность и постоянство, длительность определенная и неопределенная. Семантическое микрополе слова **věkь* во всем славянском ареале, начиная с первых фиксаций в памятниках, включает значения ‘сила’ – ‘жизнь’ – ‘смерть’ – ‘возраст’ – ‘старость’ – ‘вечность’ – ‘мир, свет’ – ‘промежуток времени’ – ‘тысячелетие’ – ‘столетие’. Семантическая история слова **věkь* демонстрирует наложение разных систем мироощущения: архаических представлений, ветхозаветных и новозаветных воззрений. Наиболее древними оказываются семантические центры ‘сила’ и ‘жизнь’. В архаическом сознании жизнь воспринимается как явление силы. Значение ‘сила’ сохранилось в словенских диалектах. Семантический признак ‘сила’ обнаруживается и в русск. *увечить*, блр. *нявечыць*, укр. *нівечити*, т.е. ‘лишать силы’. В древнерусских текстах также зафиксированы примеры, в которых значение лексемы *вѣкъ* интерпретируется как ‘увечь’, однако здесь явно сохраняется первоначальное значение ‘сила’ (речь идет об ее утрате), ср. также бел. *убавить веку* ‘избить жестоко’ (Романов, 1885, с. 623). Ф. Миклошич приводит два примера из древних текстов, которые также связаны со значением ‘сила’: *věkь* в значении ‘*Quercus robur*’ (Miklosich). В этом названии обнаруживается связь с идеей растительной силы. Интересно, что в одном из словенских говоров эта порода дуба обозначается производной от *sila* лексемой *selatnik* (Bezljaj, 1967, с. 116). Чрезвычайно любопытный материал дает сопоставление с группой индоевропейских обозначений вечности, восходящих к корню **aiu-*. К этому гнезду Вяч. Вс. Иванов относит хетт. *eia*, которое «обозначало вечнозеленое дерево, выступавшее в качестве символа бога плодородия Телепинуса, а также имевшее функцию знака освобождения от повинностей» (Иванов, 1964, с. 40). Дерево *eia* в религиозном ритуале хеттов являлось воплощением жизненной силы. Аналогичную роль играет дуб в славянской традиции.

Слав. **věkь* восходит к и.-е. корню **ueik-* ‘проявлять силу’ (Pokorny). Связь с идеей жизни как особой природной силы подтверждают данные других

индоевропейских языков: лит. *viekas* ‘сила, жизнь’, *vykis* ‘жизнь, живость’, лтш. *vėicu, vėikt* ‘добиваться, пересиливать, одолевать’, др.-исл. *veig* ‘сила’, гот. *weihan* ‘бороться’, др.-в.-нем. *wigan* ‘бороться’, ирл. *fichim* ‘борюсь’, лат. *vincō, vincere* ‘побеждать’ (Фасмер I). Аналогичный славянскому путь семантических изменений демонстрирует гнездо индоевропейских обозначений вечности, восходящих к корню **aiu-*. Исследования Э. Бенвениста показали, что эта лексическая группа также связана с идеей возрождающейся жизненной силы. История др.-инд. *āyu* и греч. *αἰών* отражает древнейшее понимание вечности, развивающееся «из человеческого и почти физического представления о силе, которая оживляет существо и заставляет его жить» (Benveniste, 1937, с. 111). Славянская концепция демонстрирует тот же путь формирования понятия вечности. Поразительную общность семантики обнаруживают греческая и славянская лексемы. Семантическое развитие греч. *αἰών* аналогично трансформациям слав. **věkъ* практически во всех семантических звеньях (Unbegaun, 1958, с. 175–176). Нет сомнений, что семантика славянского слова формировалась в значительной степени под влиянием греческих текстов, отражавших христианскую модель мироустройства. Однако именно лексема **věkъ* смогла развить новые значения для выражения реального и сакрального времени благодаря своей синкретичности и изначальной близости греческому слову, для которого также семантической доминантой было значение ‘жизненная сила’.

В современных славянских языках идея роста, развития, созревания лежит в основе некоторых временных метафор. Прежде всего человеческий возраст описывается с помощью растительного кода, ср. русск. *возраст*, бел. *узрост* и т.д. Семантический переход ‘рост’ → ‘возраст’, ‘поколение’ → ‘время’ → ‘мир’ известен также в германских и балтийских языках (Гавлова, 1969, с. 37–38). В западнославянских языках произошла дальнейшая трансформация значения ‘возраст’ → ‘старость’. Процесс этот вполне закономерен, т.к. понятие «старый связано с представлением о возросшем, дошедшем до известного возраста» (Гавлова, 1969, с. 38). Значение ‘старость’ известно и белорусским говорам, ср. *веку не дажыць* (Сл. паўн.-зах. 1).

Лексема **rokъ* восходит к и.-е. **rēk-* ‘располагать, предписывать’, сюда же и слав. **rekti* ‘говорить’ (Rokorny). В славянских языках слово **rokъ* известно со значениями ‘отрезок времени’ – ‘срок’ – ‘год’ – ‘возраст’ – ‘мера’ – ‘постановление, правило’ – ‘установленное число’ – ‘намерение, замысел’ – ‘судьба’ – ‘предзнаменование’ – ‘совещание’ – ‘судебное разбирательство’. Значения ‘срок’, ‘установление’ и ‘судьба’ наиболее древние. Их объединяет семантический признак назначенности, установленности, предопределенности. Значение ‘срок’ представлено многочисленными примерами из древних текстов, ср. также производное **sъrokъ*, первоначально ‘соглашение’, от **sъrekti* ‘условиться, сговориться’. Значения ‘установление, правило, закон’, а также ‘совещание, переговоры’, зафиксированное в старочешских текстах, обнаруживают явную семантическую связь с гнездом глагола **rekti* ‘говорить’. Очевидна и концептуальная связь значений ‘судьба’ и ‘гово-

ритель', аналогично лат. *fātum* 'судьба' и *fāri* 'говорить', ср. также производные с корнем *-rok-/-rek-*: русск. *обреченность*, *обрекать*, укр. *рокованість*, *рокувати* и др. Значение 'судебное разбирательство' представлено в чешско-польском ареале. Поскольку нем. *Termin* также означает не только 'срок', но и 'вызов в суд, судебное разбирательство', нельзя исключать влияние немецкого. Впрочем, пересечение значений 'суд' и 'судьба' отражает очень древнюю понятийную связь и прежде всего понимание того, что решение суда зависит от предопределения судьбы. Поэтому приговор, вынесенный судом, считался предначертанием судьбы, ср. польск. *wyrok*, чеш. *vyrok*, укр. *вирок* 'приговор, решение'.

Семантическое поле лексемы **pora* включает значения 'сила' – 'опора' – 'спор' – 'возраст' – 'поколение' – 'период времени' – 'время года' – 'срок' – 'момент' – 'подходящее время' – 'обстоятельства' – 'мера' – 'счастье' – 'погода'. Исходным было значение 'сила'. Этот семантический признак сохранился в дериватах: русск. *поринье* 'здоровье, крепость тела', *порить* 'толстеть, здороветь', *поратый* 'бойкий, сильный', *порато* 'сильно, очень', *во всю пору* 'изо всех сил', *поратость* 'прыть, сила в беге', серб. *опоравити се* 'поправиться, выздороветь, т.е. восстановить силу', сюда же *опора*, *спор* (решался с позиций силы), *напор*, *отпор*, *упор* и др. Для лексемы **pora* значение 'возраст' тесно связано со значением 'сила', т.е. изначально это 'степень проявления силы'. Вероятно, точнее было бы определить эту семему как 'зрелость', поскольку семантический признак 'сила' проявляется здесь в большей степени, ср. русск. *пореть* 'входить в пору, в рост, в дородство; спеть, зреть', *порастый*, *пористый* 'кто или что в самой поре, возрасте, зрелости', *порный*, *порной* 'возмужалый, взрослый, зрелый' (Даль III), *в поре* 'в расцвете сил'. С лексемой **pora* связывается и идея счастья, судьбы, везения, ср. *порит* 'везет' (Даль III), *порный*, *порной* 'счастливей' (Майков, 1869, № 62). Исходное значение 'сила' позволяет отнести лексему **pora* к гнезду **perti* (Фасмер III).

3. Заключение

Очевидно, что все обозначения времени объединены общими семантическими чертами: значения этих лексем совпадают на значительных участках. Это совпадение можно наблюдать не только на межъязыковом уровне, но и в пределах каждого конкретного языка. Все лексические единицы обладают сходным набором иерархически соподчиненных семем. Наибольшие сходения отмечены на собственно темпоральных отрезках семантических микрополей. Здесь различается несколько ступеней иерархии значений. Вышим в иерархии является общий семантический множитель 'время'. Общее недифференцированное понятие времени сложилось в ту эпоху, когда славянский языковой мир был уже диалектно расчленен. По способу передачи идеи времени славянские языки делятся на две зоны: 1. **časъ* – западносла-

вянские языки, словенский, белорусский и украинский, 2. **vermę* – русский и южнославянские языки, за исключением словенского. Таким образом, к отвлеченному понятию времени славяне приходят, с одной стороны, через время как отрезок существования, с другой стороны, через время как способ существования. На следующей ступени иерархии выделяются две группы значений: 1. неопределенное ограниченное время ('период времени', 'срок', 'время года') и 2. определенное ограниченное время ('миг, момент', 'час', 'сутки', 'год', 'эпоха', 'столетие', 'тысячелетие'). Вторая группа неоднородна и делится в свою очередь на два подкласса: а) большой – малый отрезок времени ('тысячелетие' – 'миг'), б) конкретный – неконкретный отрезок времени ('час' – 'эпоха').

Семантический диапазон обозначений времени достаточно широк и не ограничивается темпоральной сферой. Временные лексемы включают семантический центр 'жизнь'. Сюда же примыкает значение 'возраст' как продолжительность человеческой жизни, определение ее временных границ, а также результаты локализации и семантизации семы 'возраст' – соответственно 'старость' и 'поколение'. Темпоральные лексемы могут обозначать занятия в течение определенного периода времени, обыкновенно часа. Для современных языков это учебные периоды 'лекция', 'урок', в древних текстах – 'церковная служба'. К собственно темпоральным значениям примыкают календарные обозначения – 'праздник', 'Рождество', 'именины', 'годовщина' и т.п.

Микрополя практически всех лексем фиксируют семантическое ядро 'удобное, подходящее, благоприятное время' и 'удобный случай, обстоятельство, положение'. Значение 'свободное время, досуг' вычленяется сравнительно поздно, в древних памятниках это значение не встречается.

Еще одно семантическое звено, характерное для темпоральной лексики, – значения 'счастье' и 'судьба'. Темпоральные лексемы могли использоваться для обозначения доли, счастья, рока, что связано было с самим существованием человека во времени. Многие лексемы сохранили эти значения и в современных языках.

Названия темпоральных величин тесно связаны с обозначениями погоды. В древности сопоставление времени и погоды было более очевидным, восприятие времени базировалось на наблюдениях над природными явлениями. Во многих языках мира эти понятия передаются одной лексемой: греч. *καιρός*, лат. *tempus*, ит., порт. *tempo*, исп. *tiempo*, венг. *idő*, алб. *kohë* и т.д. Это связано с диффузностью, взаимопроницаемостью понятий времени и погоды.

Сопоставление семантической структуры темпоральных лексем позволяет вычленить еще одну группу значений. Как правило, каждую из этих семем фиксирует поле лишь одной лексемы. Так, значение 'буря, водоворот' принадлежит микрополю лексемы **vermę*, семеме 'установление', 'судебное разбирательство', 'переговоры, совещание' – микрополю лексемы **rokъ*. Семеме 'соответствие' фиксируют лексемы **godъ* и **doba*. Анало-

гично значение 'сила' отмечено у лексем **pora* и **věkъ*. Именно эти единичные значения имеют решающее значение при реконструкции, так как дают возможность с известной степенью вероятности установить древнейшие семантические связи лексемы.

Интересно, что среди темпоральных лексем выделяются пары слов, которые восходят к корням со сходным или идентичным значением. У слов со сходной мотивацией оказываются схожими и семантические изменения, а также значения дериватов. Так, лексемы **godъ* и **doba* продолжают индоевропейские обозначения с семантикой соответствия. Их семантическая структура совпадает во многих звеньях: 'период времени', 'время года', 'срок', 'час', 'возраст', 'подходящее время', 'случай', 'обстоятельство', 'погода', 'мера', 'соответствие', причем не только сами лексемы, но и производные от них образования имеют сходную семантическую историю. Аналогичный набор семантических переходов демонстрируют, например, производные прилагательные. По-видимому, уже в древнюю эпоху семантическая трансформация этих лексем проходила на двух уровнях: существительного и прилагательного.

Лексемы **pora* и **věkъ*, восходящие к семантическому центру 'сила', обнаруживают схождения в звеньях 'сила', 'жизнь', 'возраст' и 'период времени'. Процесс семантических изменений этих лексем был аналогичным до перехода в темпоральную область. Здесь семантическое развитие слав. **věkъ* получило другое направление – послужило основой для формирования значения 'вечность'.

Основным способом образования темпоральной лексики был метонимический. Формирование временных значений базируется на ассоциации явлений, тесно связанных между собой. Таким образом, главной опорой темпоральных номинаций выступала смежность явлений. Формирование временных концептов связано также с принципом *pars pro toto*, который заключается в том, что целое характеризуется через его часть. Это одна из базовых мыслительных операций, которая используется и в процессе номинации.

Начальную стадию формирования темпоральной лексики отличает диффузность и синкретизм значений. Семантика этих лексем определялась языковой ситуацией, положением и функцией слова в контексте. Для начальной стадии становления темпоральных величин характерна нерасчлененность семантики и отсюда полифункциональность лексем. Семантическая диффузность и лексическая дублетность неизбежны при переходе от качественного исчисления к количественному. Этот переход в конечном счете ведет не только к дифференциации временных отрезков по величине, но и к выделению универсальной величины – абстрактного недифференцированного понятия 'время'. Употребление одного и того же знака для обозначения разных величин создает предпосылки для формирования общего понятия. Становление отвлеченного понятия времени представляет синтез предшествующих этапов развития.

ЛИТЕРАТУРА

- БАЛЯСНИКОВА, Л. А.: *Из лексических связей славянских языков (доба)*. In: Брянские говоры, вып. 3. Сборник научных статей. Ленинград, 1975, с. 162–170.
- ГЯВЛОВА, Е.: *Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках*. In: Этимология 1967. Москва, 1969, с. 36–39.
- ГРИНЧЕНКО – ГРИНЧЕНКО, Б. Д.: *Словарь украинского языка*, т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- ГЮЙО, М.: *Происхождение идеи времени*. СПб., 1899.
- ДАЛЬ – ДАЛЬ, В.: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва, 1978–1980. *3 народнага слоўніка*. Мінск, 1975.
- ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС.: *Разыскания в области анатолийского языкознания*. In: Проблемы индоевропейского языкознания. Москва, 1964, с. 40–44.
- ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС. – ТОПОРОВ, В. Н.: *Исследования в области славянских древностей*. Москва, 1965.
- КОЧЕРГАН, М. П.: *Лексика часових понять в українській мові*. In: Лексикологія та лексикографія. Київ, 1966, с. 53–63.
- ЛЕВИ-БРЮЛЬ, Л.: *Первобытное мышление*. Москва, 1930.
- ЛИХАЧЕВ, Д.С.: Поэтика древнерусской литературы. Ленинград, 1971.
- ЛВВОВ, А.С.: *Выражение понятия времени в «Повести временных лет»*. In: Русская историческая лексикология. Москва, 1968, с. 20–39.
- МАЙКОВ, Л.: *Великорусские заклинания*. СПб., 1869.
- МУРЬЯНОВ, М.Ф.: *Время (понятие и слово)*. Вопросы языкознания, 2, 1978, с. 52–66.
- НОСОВИЧ – НОСОВИЧ, И.И.: *Словарь белорусского наречия*. СПб., 1870.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ – ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А.: *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–2. Москва, 1910–1914.
- РОМАНОВ, Е.: *Белорусский сборник*, вып. 1, 2. Киев, 1885.
- Российский целлариус – *Российский целлариус, или Этимологический российский лексикон*. Изд. Ф.Гелтергофом. Москва, 1771.
- Словарь Пушкина – *Словарь языка Пушкина*, т. 1–4. Москва, 1956–1961.
- Сл. паўн.-зах. – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, т. 1–5. Мінск, 1979–1986.
- СЦЯШКОВІЧ – СЦЯШКОВІЧ, Т. Ф.: *Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці*. Мінск, 1972.
- СРЕЗНЕВСКИЙ – СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. СПб, 1893–1903.
- ФАСМЕР – ФАСМЕР, М.: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I–IV. Москва, 1986–1987.
- ЦЕЙТЛИН, Р. М.: *Материалы для изучения значений приименной приставки sQ-*. Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. XVII, 1959, с. 229–241.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева, вып. 1–. Москва, 1974–.
- ЯКОБССОН, Г.: *Развитие понятия времени в свете славянского časъ*. Scando-Slavica, IV, 1958, с. 286–307.
- ЯКОБССОН, Г.: *Цели и методы этимологизации слов, выражающих некоторые абстрактные понятия (Примером служит понятие 'время')*. In: Этимология 1967. Москва, 1969, с. 32–35.
- ЯКУБИНСКАЯ-ЛЕМБЕРГ, Э. А.: *Этимология слова «доба»*. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, серия филолог. наук, 301, вып. 60, 1961, с. 244–256.
- BENVENISTE, E.: *Expression indo-européenne de l'«éternité»*. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 38, , fasc.1, 1937, p. 103–112.

- BENVENISTE, E.: *Latin tempus*. In: *Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes offerts a Alfred Ernout*. Paris 1940, p. 11–16.
- BERNEKER – BERNEKER, E.: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg 1908–1913.
- BEZLAJ, F.: *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana 1967.
- BRÜKNER – BRÜKNER, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1974.
- CASSIRER, E.: *Philosophie der symbolischen Formen. T.II. Das mythische Denken*. Berlin 1925.
- FRAENKEL, E.: *Zu den idg. Zeitausdrücken*. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 26, H. 2, 1958, p. 339–351.
- GEBAUER – GEBAUER, J.: *Słownik staročeský, d.I-II*. Praha 1970.
- MACHEK – MACHEK, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1971.
- MIKLOSICH – MIKLOSICH, F.: *Lexikon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*. Vindobona 1862–1865.
- NIEMINEN, E.: *Slavisch (j)ustro, (j)utro und Verwandte*. Scando-Slavica, II, 1956, p. 13–29.
- NILSSON, M.P.: *Primitive Time-Reckoning*. Lund 1920.
- PAJZIŃSKA, A. – KRZYŻANOWSKI, P. (eds.): *Przesłóć w językowym obrazie świata*. Lublin 1999.
- PLETERŠNIK – PLETERŠNIK, M.: *Slovensko-nemški slovar, I-II*. Ljubljana 1894–1895.
- POKORNY – POKORNY, J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern 1959.
- SWEETSER, E.: *From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge 1990.
- UNBEGAUN, B.O.: *Un parallèle sémantique greco-slave*. In: *Sybaris. Festschrift Hans Krahe*. Wiesbaden 1958, p. 173–176.

NĚKTERÉ ASPEKTY KATEGORIZACE ČASOVÝCH POJMŮ V SŁOVANSKÝCH JAZYCÍCH

Výzkum se orientuje na nalezení sémantických souvislostí dnešních pojmenování času v slovanských jazycích s jejich původní motivací. Propojení synchronního pohledu s diachronním exkurzem přispívá k odhalení kognitivní struktury dané pojmové oblasti. Přitom je akcentováno, že polysémie lexému, jeho derivační vztahy a typické kolokace uchovávají etymologickou paměť slova. Zjišťuje se, že v slovanských jazycích existuje několik kognitivních modelů akcentujících různé aspekty časových pojmů. Zdrojovou oblastí pro pojmenování času je především prostor. Čas se chápe většinou v prostorových kategoriích. S konceptuální oblastí času jsou těsně spjaty sémantické oblasti 'počasí', 'život' < 'životní síla', 'osud, štěstí', 'vhodné okolnosti, příležitost'. Při pojmenování času na různých etapách sémantického vývoje převládá metonymie.

Natalia Ivašina

Katedra teoretické a slovanské jazykovědy

Filologická fakulta BSU

Minsk

e-mail: natasha.ivashina@seznam.cz